

К проблеме языковой рефлексии XVIII века

1. История литературных языков может рассматриваться как наука, изучающая не только сам литературный язык, но и рефлексию носителей над литературным языком. Данное понимание предмета позволяет включить проблематику истории литературных языков в современную научно-исследовательскую парадигму, доминантой которой является функциональный антропоцентризм. Особое напряжение языковой рефлексии представляют переходные эпохи, демонстрирующие смену типа культуры и смену типа литературного языка: эти периоды отмечены конкурентным сосуществованием полюсных концепций, признающих/отвергающих культурно-языковую традицию. Конкретными репрезентативными объектами рефлексии выступают языковые элементы, транслируемые из старого литературного языка в новый.

Верификацией данных положений может быть реконструкция русской языковой рефлексии XVIII в., демонстрирующей переход от церковнославянского литературного языка, являвшегося знаком конфессиональной культуры, к новому русскому литературному языку, ставшему знаком секулярной культуры. При этом движение языковой рефлексии эпохи может быть представлено посредством демонстрации движения языковой рефлексии одного из выдающихся русских реформаторов – В. К. Тредиаковского. Наиболее показательным объектом языковой рефлексии В. К. Тредиаковского являлись причастные формы, задававшие исходную дистанцию между литературным церковнославянским языком и разговорной русской речью: грамматически дифференцированные полные действительные причастия, характеризовавшиеся атрибутивно-предикативным употреблением, и грамматически дифференцированные краткие действительные причастия, характеризовавшиеся атрибутивно-предикативным и обстоятельно-предикативным употреблением, были противопоставлены грамматически недифференцированным деепричастиям, характеризовавшимся только обстоятельно-предикативным употреблением.

2. Начало последовательной систематической рефлексии над русским литературным языком нового типа относится к 30-м гг. XVIII в., к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство. Поскольку переход от классического языка средневековой книжности к кодифицированной системе «своего» языка – процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов были ориентированы в известной степени на западноевропейские образцы (Успенский 1985: 70–157; Живов 1996: 155–264). При

этом западноевропейское влияние на русскую языковую рефлексию предстало не как пассивное восприятие и усвоение чужих идей, а как результат активного выбора и акт предпочтения. Так, В. К. Тредиаковский в «Речи к членам Российского собрания» (1735) намеренно рассматривал русскую языковую рефлексию в общеевропейском контексте: «...не нетрудно было в самом начале Флорентийской Академии старание возиметь о чистоте своего языка, возимела... не нестрашно было, думаю, предпринять так же и Французской Академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство их диалекта, предприняла... нас, что бы могло не допустить к начатию толь надобнаго дела» (цит. по: Куник 1865: 13–14).

Русские реформаторы «усвоили себе вполне тот или другой иностранный язык и ознакомились более или менее обстоятельно с иностранными литературами», и им «кинулась в глаза близость, почти тожество литературного языка на Западе с живым, а вместе с тем живость литературного языка Запада» (Соболевский 1980: 121–122). Выводы об отношении литературного языка к разговорной речи в Западной Европе были применены к русской языковой ситуации, в результате чего основным программным положением явилась установка русского литературного языка на «употребление», что делало его функционально равным новоевропейским языкам. Так, В. К. Тредиаковский, излагая свою языковую программу в предисловии к «Езде в остров любви» (1730), заявлял о необходимости сближения литературного языка с «простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим» (Тредиаковский 1730: 2). Равным образом в «Речи к членам Российского собрания» он особо отмечал, что для достижения «чистоты» русского литературного языка необходима ориентация на «восприятое от всех разумных употребление», т. е. на «употребление двора Ея Величества в слове наиучтивейшаго, и богатством наивеликолепнейшаго», на «употребление» «благоразумнейших ея Министров и премудрейших Священноначальников» и на «употребление» «искуснейшаго дворянства» (цит. по: Куник 1865: 14).

Западноевропейским источником языковой рефлексии В. К. Тредиаковского явилась концепция К. Вожеля, в основе которой было требование сближения литературного французского языка с разговорной речью культурной элиты (Успенский 1985: 131–146; Живов 1996: 173–178, 240–243). В качестве источника нормы «чистого и точного» французского литературного языка, противопоставленного латыни, рассматривалось «хорошее употребление», т. е. употребление «лучшей части двора, согласной с лучшей частью писателей», критерием которого являлся «вкус».

Однако в России этого времени новые языковые навыки находились еще в процессе становления, т. е. «хорошее употребление» сначала должно было моделироваться в литературной практике, а затем переходить в естественное употребление. Кроме того, в русской языковой ситуации уста-

новка на «употребление» была органически связана с протестом против «глубокословных славенщизны», с отказом от церковнославянской языковой традиции. В предисловии к «Езде в остров любви» В. К. Третьяковский особо указывал, что книга переведена «неславенским» языком, поскольку «язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многия его наши читая не разумеют» (Третьяковский 1730: 2). Определенные отступления в пользу церковнославянской языковой традиции допускались лишь в поэтических текстах, язык которых по своей природе всегда дистанцирован от разговорной речи. Результатом конституирования поэтического языка в рамках «неславенского» языка явился кодекс поэтических вольностей, представленный в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» В. К. Третьяковского (1735). Посредством системы поэтических вольностей, с одной стороны (наряду с общим изменением стихосложения на тоническое), «русский стих» включался в западноевропейскую поэтическую традицию, так как «...вольность в Стихе у Латин называется Licentia, а у французов License», а с другой стороны – решалась проблема использования ресурсов церковнославянского языка, так как «чрез малую перемену и лехкий способ можно из старых наших Стихов новые зделать» (Третьяковский 1735: 87).

Русский литературный язык нового типа был призван в первую очередь обслуживать новые литературные жанры, появление которых было мотивировано западноевропейским влиянием. В этой ситуации особенно актуальной становилась роль перевода, который выступал как реальное средство создания литературного языка того же типа, что и западноевропейские литературные языки, именно посредством перевода русскому литературному языку передавался культурный статус.

2.1. Первым значительным опытом такого рода был перевод В. К. Третьяковским галантного романа П. Талемана «Езда в остров любви» («Le voyage de l'isle d'amour», 1671), который желали читать «все люди со вкусом». Переводя роман, В. К. Третьяковский, по его собственному заявлению, пытался дать образец «неславенского» литературного языка, однако исследователи языка перевода отмечают широкую вариативность русских и церковнославянских элементов. Так, А. И. Соболевский считал, что «отделение славянского языка от русского» было непосредственной задачей В. К. Третьяковского, и «язык „Езды в остров любви“ действительно с полным основанием может быть назван русским», так как переводчик избегал «славянщины», но она «все-таки не отсутствует» (Соболевский 1980: 123). Эту точку зрения разделял и П. Н. Берков, утверждая, что «славянский элемент в „Езде“ еще достаточно силен – он проявляется и в лексике, и в этимологии, и в синтаксисе» (Берков 1936: 20). В. В. Виноградов ставил перевод В. К. Третьяковского в один ряд с оригинальными и переводными повестями начала XVIII в., написанными на

упрощенном (смешанном) церковнославянском языке, так как во всех этих текстах лишь «в разных комбинациях и в разных пропорциях наблюдается смешение русских, церковнославянских и западноевропейских элементов литературного языка» (Виноградов 1982: 96). Таким образом, господствующим является взгляд, согласно которому, несмотря на то что «элемент русский» в «Езде в остров любви» «значительно преобладал», все же В. К. Тредиаковский настолько привык к церковнославянскому языку, что не смог избежать «славянщины».

Иное мнение о языковых особенностях «Езды в остров любви» содержится в статье Ю. С. Сорокина, в которой утверждается, что значение перевода В. К. Тредиаковского в «отрицании славяно-книжного типа как основной нормы литературного языка было очевидным и бесспорным» (Сорокин 1976: 53). Что же касается лексических и грамматических «славянизмов» в тексте «Езды в остров любви», то они, по мнению автора статьи, имели стилистическое назначение и располагались преимущественно в стихотворных частях перевода.

В этой связи представляется целесообразным провести дифференцированный структурно-функциональный анализ действительных причастий в прозаическом повествовании и в лирико-поэтических фрагментах «Езды в остров любви».

2.2.1. Обращение к прозаическому тексту «Езды в остров любви» (цит. по: Тредиаковский 1730) показало, что В. К. Тредиаковский широко использовал полные причастия всех типов, прочно закрепленные церковнославянской книжной традицией. Традиционно доминирующими функциями полных причастий были функции простого и «предсказывающего» определения, демонстрирующие атрибутивно-предикативное употребление:

а) «Между тем мы плыли с музыкой играющей и поющей...» (11), «Повсюду много там находится преглубоких пропастей, в которых часто, для непрестанной темноты многия пропадают любовники упавшия» (56);

б) «...езде находятя воды в верх биющия» (124), «А сердце мое привыкшее всегда к любви не знало куды девать несколько еще горячия мои страсти» (94).

Дополнительной функциональной сферой полных причастий в прозе «Езды в остров любви» являлись обороты — «двойной винительный» и «дательный самостоятельный»:

а) «В одном мгновении ока видишь ея стоящую и тот час потом лежащую» (15);

б) «Отходящему от них встретилаь мне на дороге одна жена весьма пригожа» (129).

Сопоставление французского оригинала (Tallemant 1788) и русского перевода позволило заключить, что использование в «Езде в остров любви» полных причастий было вызвано стремлением В. К. Тредиаковского

к адекватной передаче французского источника и, следовательно, было обусловлено прежде всего необходимостью перевести на «неславенский» литературный язык, который еще не сложился, причастия (реже – прилагательные), функционировавшие во французском литературном языке. Так как в живом русском языке не было структурно-функционального аналога французским причастным формам, то переводчик передал их средствами церковнославянского языка, т. е. оформление причастий было церковнославянским, а употребление французским, о чем свидетельствовала и постпозиция определения:

«Le voyage de l'isle d'amour»	«Езда в остров любви»
participle présent	причастия на -ущ, -ущ(ся)
«elles ont le regard mourant» (267)	«все оне имеют взгляд умирающий» (67)
«apres le sacrifice nous les trouvames encore tout en tiers mais brûlants» (267)	«ибо по принесении жертвы мы нашли их обеих в целости, но токмо что горящих» (65)
«trouvant une femme assez jolie sur mes pas» (298)	«отходящему от них встретилась мне на дороге одна жена весьма пригожа» (129)
participle passe / adjectif	причастия на -вши, -ш(+ся)
J'oubliai en un moment tout mes peines passees» (260)	«Тогда тотчас все я позабыл мои скорби и нужды прешедшия» (53–54)

Однако существенно подчеркнуть, что, переводя роман П Талемана, В. К. Третьяковский не столько заботился о механическом копировании грамматико-синтаксической структуры оригинала, сколько пытался в своей литературной практике разрешить проблему «внутренних» соотношений французского и русского языков, осознав семантические и морфологические соответствия этих двух языковых систем как систем литературных языков нового типа. В такой перспективе полные причастия как определенный класс форм были возможны в «неславенском» литературном языке, потому что они в принципе категориально и функционально соотносились с причастиями (или отглагольными прилагательными) во французском литературном языке. Исходя из данного предположения можно объяснить, с одной стороны, случаи употребления причастий, не связанные с воздействием французского источника, а с другой стороны, наоборот – случаи устранения в переводе причастных конструкций:

а) «Nous voguion cependant accompagnes de concerts...» (240) // «Между тем мы плыли с музыкой играющей и поющей» (11),

б) «Le Silence est comme vous l'avez veu peint, faisant une grimase des yeux...» // «Молчание есть таков каков он малюется, которой всегда шурит глаза» (29).

Таким образом, использование полных действительных причастий в прозаическом повествовании «Езды в остров любви» не противоречило теоретической установке, сформулированной В. К. Тредиаковским, так как исходная книжная маркированность этих форм «снималась» нейтральностью их нового употребления, поддержанного французским литературным языком.

2.2.2. При употреблении кратких причастий у переводчика была определенная возможность выбора, результат которого наглядно проявился в прозаическом повествовании «Езды в остров любви».

Для кратких действительных причастий актуально было обстоятельство-предикативное употребление, явленное функцией «второстепенного сказуемого», в которой причастные формы и представлены в прозаическом повествовании «Езды в остров любви». Указывая на сопутствующее или предшествующее действие субъекта, дополняющее его характеристику как производителя действия, причастные образования русского текста функционально соотносились с формами «*gérondif*» и «*participle passe compose*» французского оригинала:

«Le voyage de l'isle d'amour»	«Езда в остров любви»
gerondif	прич. форма от гл несов вида
«Je demerai quelque temps dans cette ville-la, en jouissant de tout le plaisir» (267)	«Я пробыл чрез несколько время в сем городе наслаждая всякаго веселия» (66)
participle passe compose	прич форма от гл сов вида
«car Amynte s'étant apperçue de mon amour» (251)	«ибо Аминта, узнавши мою любовь к себе, немедленно ушла» (33)

Однако для исследования кратких причастий важно не столько установить соотносительность форм оригинала и перевода (как это было при анализе полных причастий), сколько определить состав причастных форм, поскольку функция «второстепенного сказуемого» была основной и для грамматически дифференцированных кратких причастий церковнославянского языка, и для грамматически недифференцированных депричастий русского языка.

В соответствии с выдвинутой задачей писать «самым простым Русским словом» В. К. Тредиаковский использовал в функции «второстепенного сказуемого» грамматически недифференцированные формы на *-учи/-ачи*, *-а*, *-в*, *-вши/-ши*:

«Ибо она бегучи мимо меня следующее кричала громко» (83);

«Тако следуя за Славой прибыл я на берег острова Любви» (145), «Между тем Аминта смотря на мою слабость сначала усмехивалась, а потом за то на меня очюнь разсердилась» (59), «Мы вошли в сию крепость следуя за Почтением в великой тишине и почитай тайком» (30);

«Так наконец обняв его следующее я ему говорил весь в слезах» (90);

«Толк подбужавши к нам спрашивал у нас чего бы ради мы так ссоримся» (130); «Но Жалость оттолкнувши оную жестоко отдала мне Аминту» (40), «Сия Честь и Стыд вместе остановивши тогда Аминту предложили ей на словах многия доказательства» (68).

2.3.1. Обращаясь к характеристике лирико-поэтических фрагментов «Езды в остров любви», следует подчеркнуть, что мнение, согласно которому «славянский элемент» был еще достаточно «силен» в переводе В. К. Тредиаковского, сложилось на основе особенностей языка стихотворных частей «Езды в остров любви». Именно в стихах перевода встречаются лексические, грамматические и синтаксические элементы, связанные с системой церковнославянского языка: например, в сфере морфологии – тв. мн. сущ. м. на -ы: «цветы» (17); энклитические местоимения «мя» (66,84, 90), «тя» (90); инфинитив на -ти: «смягчити» (32), «любити» (42). Что касается системы действительных причастий, то она также имела отличия от системы причастий, представленной в прозаическом повествовании перевода.

Так, существенным является то, что в соответствии с причастиями и отглагольными прилагательными французского оригинала в функциях простого и «предвищающего» определения наряду с полными причастиями использовались грамматически дифференцированные краткие – «усеченные» причастия, которые были характерной приметой церковнославянской книжности (Запольская 1985):

а) «Вся кипящая похоть в лице его зрися, Как уголь горящий все оно краснело» (86) // «прошедше мое щасье умножает мне муку» (77);

б) «Все хотящая с желанием полным насладиться здесь в животе радости, Приставайте к нам с сердцем вселюбовным» (9), // «страсть, прешедша чрез нечто любовно услаждает мне память часто и способно» (148);

2.3.2. В функции «второстепенного сказуемого» В. К. Тредиаковский использовал в стихах наряду с деепричастиями на -ущи/-ащи, -а, -в, -вши/-ши, отмеченными в прозе, «книжные» причастные формы на -ущи/-ащи(е), лишенные, однако, грамматической дифференциации:

а) «Сим паче я огорчился многи проливая слезы» (20), «Но смерть так гибель напрасну видя, ту в мир возвратила» (19);

б) «При Силвии красной Все мое сердце тогда горящи желаньи... кипело вздыханьи» (113); «(любовники)... немогуше начас во свете без них жить приходят» (36).

2.3.3. Употребление книжных причастных форм, и прежде всего «усеченных» причастий, в лирико-поэтических фрагментах «Езды в остров любви» могло быть мотивировано «удобствами стихосложения», что возводило эти формы в ранг поэтических вольностей. В написанном позже «Новом и кратком способе...» (1735) «усеченные» причастия как поэтическая вольность специально не оговаривались, однако в § 11, посвященном особенностям ударения в стихах, содержалось упоминание о «сокращенных» прилагательных, которое приложимо и к «усеченным» причастиям, воспринимавшимся по традиции как «причастия чрез усечение сокращенная»: «§11 Сверх сего слова, которыя двойное, и часто сомнительное имеют ударение просодии, могут положиться в Стихе двояко... Впрочем, не для чего, кажется упоминать о прилагательных сокращенных, которыя понеже и в прозе часто употребляются, то в Стихах употреблены могут быть, ежели надобно будет, и чаще» (18–19). Кроме того, следует принять во внимание, что употребление «сокращенных» («усеченных») форм в стихах воспринималось как традиционный прием стихосложения – «усечение», отмеченный еще в теории поэзии, которая была изложена в грамматике М. Смотрицкого: «оу́сѣченіе ёсть слога въ концѣ реченіа Ѡрѣщеніе: ꙗко чистъ, вмѣстѣ чистый; біющъ вмѣстѣ біющій» (цит. по: Грамматика 1648: 336).

Существенно то, что поэтические вольности как специфические приметы стихотворного языка встречались в разных жанрах поэзии, т. е. в их употреблении не было жанрово-стилистических ограничений. В качестве иллюстрации этого положения можно привести примеры использования «усеченных» причастий в разных стихотворных жанрах, представленных в «Новом и кратком способе...»: «И Горациева всем есть любя уж Лира, С Ювеналовой при том колюща Сатира» (Эпистола: 38), «Щастие пришедше!» (Элегия, 48).

Таким образом, употребление причастий и деепричастий в прозаических и поэтических частях «Езды в остров любви» не противоречило теоретическим установкам В. К. Третьяковского писать новым «неславянским» языком.

3. Движение России в историческом времени, приведшее к осознанию своей особой позиции в европейском культурно-языковом пространстве, изменило и направление языковой рефлексии. Новые языковые программы русских реформаторов, разработанные ими в 50–60-е гг. XVIII в., содержали положения о субстанциональной общности церковнославянского и русского языков и, следовательно, о возможности стилистического распределения церковнославянских и русских элементов в рамках единого литературного языка, о церковнославянском языке как источнике нормы и о «разуме» как критерии языковой правильности (Успенский 1985: 158–197; Живов 1996: 265–418).

Так, В. К. Тредиаковский уже в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой...» (1748) утверждал, что «российский наш язык имеет одну во всем распространении своем, природу со славенским... так что... и называется славенороссийский, то есть российский по народу, а славенский по своей природе» (Тредиаковский 1748: 299). Соответственно, источником нормы для «славенороссийского» языка признавался «славенский» язык, определявшийся как «чистый» литературный язык. Поскольку признавалось, что «славенский» язык «нашему славенороссийскому, или гражданскому, и источник, и отец, и точное подобие», изменилось и понимание В. К. Тредиаковским «употребления», которое теперь должно было основываться на «разуме», т. е. на грамматических правилах, учитывающих нормы церковнославянского языка. В. К. Тредиаковский упрекал А. П. Сумарокова в «Письме от приятеля к приятелю» (1750) именно в том, что тот не знал «твердо» «славенской» грамматики — «все ея свойства», потому что «не обучался надлежащим Университетским образом Грамматике» (цит. по: Куник 1865: 496). Писатель, сочиняющий на «славенороссийском» языке, должен был, по мнению В. К. Тредиаковского, «вникнуть в язык славенский наш степенный», читая «святые книги», которые рассматривались как регулятор стилистической правильности. Обращение к церковнославянскому языку как реальному источнику стилистической украшенности давало возможность «различать не только со стороны поэтики, но и со стороны языка основные жанры классицизма, оду и эпопею, с одной стороны, басню и комедию — с другой» (Винокур 1959: 138). Ориентация на церковнославянскую языковую традицию и установление тем самым принципиальной дистанции между литературным языком и разговорной речью определили, по мнению В. К. Тредиаковского, специфику русской языковой ситуации по сравнению с западноевропейской: «Не дружеский разговор (*la conversation*) у нас правилом писания; но книжный церковный язык (*la tribune*)» (цит. по: Пекарский 1865: 109). Таким образом, если в 30–40-е гг. русская языковая ситуация «воспринималась и оценивалась В. К. Тредиаковским через европейскую модель», то в 50–60-е гг., «наоборот, европейская ситуация пропускается через призму русских языковых отношений» (Алексеев 1982: 106). В этой связи изменилось отношение к переводу, который являлся уже не средством создания текстов на литературном языке того же типа, что и западноевропейские литературные языки, а доказательством значимости русского литературного языка в ряду новоевропейских литературных языков.

3.1. Наиболее последовательное выражение языковая рефлексия В. К. Тредиаковского получила в последнем его значительном произведении — эпической поэме «Тилемахида» (1766), которая представляла собой стихотворный перевод прозаического французского источника — романа

Фенелона «Les aventures de Télémaque». В выборе произведения выразилась актуализация сочинений высоких жанров, в которых «содержание или прямо возносится к Святыни Божества, или принадлежит токмо до Священного Обиталища Любомудрыя Мусы». В предисловии переводчик особо подчеркивал значимость русского литературного языка, на котором могла быть создана эпическая поэма: «На чтож нам претерпевать добровольно скудость и тесноту французскую, имеющим всякородное богатство и пространство Славенороссийское» (цит. по: Куник 1865: 222). Осуществляя этот перевод, В. К. Третьяковский предпринял сознательную попытку создания эпической поэмы на основе соответствующих этому стилистических приемов. К этим приемам относятся: выбор гекзаметра с его удобностью для повествования, расположением к инверсиям и переносам, соединение традиции славянского книжного слога с просторечием и народно-поэтическим языком в соответствии с пониманием гомеровского языка в XVIII веке» (Алексеев 1981: 94). В ситуации, когда «по нашей чистоте вся мера есть славенский», изменился и взгляд В. К. Третьяковского на категорию причастий.

3.2.1. Так, употребление в тексте «Телемакиды» полных причастий было закономерным, но уже не потому, что данные формы категориально и функционально соотносились с причастиями и отглагольными прилагательными французского литературного языка (как это было в «Езде в остров любви») и не имели функционально-стилистического аналога в живом русском языке, а потому что они, будучи «славянизмами», с полным правом включались в систему «славенороссийского» языка. Актуальность генетической характеристики причастий мотивировала строгое ограничение их формообразующей базы: они могли образовываться только от церковнославянских и общих глагольных основ. Так, еще в «Письме от приятеля к приятелю» В. К. Третьяковский указывал, что употреблять в высоких жанрах «*вопящих* вместо *вопящих* есть весьма неисправно» (цит. по: Куник 1865: 469). Регулятивное значение церковнославянского языка проявилось и в широком использовании в «Телемакиде» (цит. по: Третьяковский 1849) архаических форм причастий: «*видяй*» (554), «*седяй*» (556), «*умейяй*» (560), «*отверзый*» (572), «*принесый*» (603).

Традиционно доминирующими функциями полных причастий были функции простого и «преддицирующего» определения, кроме того, они часто употреблялись в составе оборота «двойной винительный»:

а) «Но пороки твои от Кипящия юности были» (542), «...коя когда была представляема словом вешавшим» (493), «Но как-уж он сруб загоревшийся тамо увидел, То неистов явился вдруг» (543);

б) «Равно как быстрый конь по обширному рыщущий Полю, Так Тилемах, исполнен быв велидушнаго жара» (496), «и сиял подобно лучам от солнца идущим» (523), «Так копие, не достигшее Уппия, долу упало» (500).

в) «В самое время тож... он видел их солежащих на траве, и глубоким самым сном с храпением спящих» (500).

В тексте «Тилемахиды» особенной частотой употребления характеризовались причастия, выступавшие в роли «предицирующего определения», что было обусловлено особой ролью эпитетов, выполнявших роль важного стилеобразующего фактора эпического повествования. При этом особое значение приобретали «сложные» эпитеты, которые должны были обозначать такое качество определяемого, которое семантически насыщало бы текст. «Сложные» эпитеты и выражались причастиями в функции «предицирующего» определения, которым в тексте французского оригинала (Fénélon 1745) могли соответствовать либо причастные обороты, либо придаточные определительные с «qui»:

«Les aventures de Télémaque»	«Тилемахида»
«C'était un étranger inconnu, qui avoit un air majesteueux...»	«Да был неизвестный Пришелец, вид имевший величествен»
«L'inconnu qui vous a donné une si vive émotion est le grand Ulysse...»	«Тот Незнакомый, ныне тебя возмутивший толико, Есть великий Одисс»
«Les femmes allaient audevant d'eux menant par la main leurs petits enfants»	«Сих усретали Жены, ведущие Деточек милых»

3.2.2. В тексте «Тилемахиды» значительным количеством примеров были представлены «усеченные» причастия, являвшиеся характерным признаком церковнославянского языка. Особая роль эпитетов в «Тилемахиде» мотивировала актуализацию функций простого и «предицирующего» определения:

а) «Вот и волы мычащи, и овцы купно блеющи» (24), «Впадши глаза огнем измождающим в оном горели» (191).

б) «Зрилась Богиня сия, собирающа многи народы» (526), «Так и стояла Богиня, тут одержавша победу» (524), «Смерть же, случившася Уппию, гнев сей паче острила» (548), «Сей пророк, влекуш за собой Других неисчетность, препохваляется... всеми» (697), «Сладости все, окружающи их, суть им же прелестны» (587).

Выразительной особенностью синтаксиса «Тилемахиды» явились обороты «двойной винительный» и «дательный самостоятельный», содержащие «усеченные» причастия:

а) «Видите и Адраста, збивающа всех Сопротивных» (522);

б) «Бывшу ему одному, и толь неутешну бывшу, Нестор и Филоктит пришли к нему навещаю» (507), «Ментору так разсуждавшу в плытие то с Тилемахом, се усмотрели они тогда Корабль Фесалийский» (759).

Конструкция «дательный самостоятельный» могла появляться в тексте «Тилемахиды» в соответствии с французским источником

«Les aventures de Telemaque»

«Тилемахида»

«Le jour du combat étant venu, a peine
l'aurore ouvrait au soleil les portes
des'orient»

«Битвы наставшу дню, едва Заря
всезлатая Солнцу отверзла Восточны
врата»

Если мы примем во внимание, что, переводя роман Фенелона, В К Трелиаковский выступал за нарочитую архаизацию текста перевода как фактора «чистоты» языка, то становится понятным, что оборот «дательный самостоятельный» использован здесь как синтаксический «славянизм», который мог поддерживаться текстом оригинала (ср Алексеев 1981 79)

3 2 3 В функции «второстепенного сказуемого» в тексте «Тилемахиды» употреблялись как нейтральные, так и книжные причастные формы на *-а, -в, -вши/-ши, -ущи/-ащи(е)* В этот состав не были включены формы на *-уци/-ачи*, так как, по мнению В К Трелиаковского, «деепричастия на *-чи* всяк добраго вкусу почувствует повреждением высоким Стихам» (цит по Разоренова 1959 214)

В силу того, что «славенороссийский» язык не отождествлялся с церковнославянским, а только был ориентирован на употребление некоторых маркированных «книжных» форм, в «Тилемахиде» «книжные» формы на *-уци/-ащи(е)*, выступали как неизменяемые деепричастия наряду с нейтральными формами на *-а, -в, -вши/-ши*

а) «Так говоря, побежал я к нему» (115), «Всюду Суда его, ища Финикиан, ходили» (30), «она отравив удавила Пигмалиона» (234), «Слезы утерши Божок улыбнулся збойливым смехом» (213), «Но Калипса узревши тотчас что – вкусить не-возмог он нимфам тайный знак подала» (12), «Их Финикиицы признавши, хотели от тех удалиться» (30),

б) «как исчезает тьма, от денница багряными персты Востока врата отверзаючи и проливающи слезы» (527)

В К Трелиаковский очень внимательно всегда относился к употреблению причастий и деепричастий, строго различая их функции Так, например, он обличал А П Сумарокова, написавшего «О Боже, восхотев прославить Императрицу ради нас Тебе судьбы суть все подвластны» — «деепричастие „восхотев“ вместо причастия „восхотевший“ неправо, как то всем знающим известно» (цит по Куник 1865 470) Вряд ли поэтому можно согласиться с мнением, что «Трелиаковский плохо различал деепричастия русского языка и краткие церковнославянские

причастия» и «ощущал некоторую растерянность при обращении с церковнославянской грамматической категорией на русской почве» (Алексеев 1981 781)

4. Проведенное исследование языковой рефлексии В К Третьяковского и ее отражения в языковой практике позволило реконструировать движение русской языковой рефлексии в XVIII в. При этом репрезентативным объектом языковой рефлексии выступили причастные формы, употребление которых в новом русском литературном языке было мотивировано либо новоевропейскими литературными языками, либо традиционным церковнославянским языком, что делало причастия своеобразной зоной концептуального примирения

Литература

- Алексеев 1981 – Алексеев А А Эпический стиль «Тилемахиды» // Язык русских писателей XVIII века Л, 1981 С 68-95
- Алексеев 1982 – Алексеев А А Эволюция языковой теории и языковой практики Третьяковского // Литературный язык XVIII века Проблемы стилистики Л, 1982 С 86-129
- Берков 1936 – Берков П Н Ломоносов и литературная полемика его времени 1750-1765 Л, 1936
- Виноградов 1982 – Виноградов В Б Очерки по истории русского литературного языка XVII-XVIII веков М, 1982
- Винокур 1959 – Винокур Г О Избранные работы по русскому языку М, 1959
- Грамматика 1648 – Грамматика М, 1648
- Живов 1996 – Живов В М Язык и культура в России XVIII века М, 1996
- Запольская 1985 – Запольская Н Н Усеченные причастия в русском литературном языке XVIII в // Вестник Московского университета Серия филология 1985 № 3 С 34-45
- Куник 1865 – Куник А Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в СПб, 1865
- Пекарский 1865 – Пекарский П П Дополнительные известия для биографии Ломоносова СПб, 1865
- Разренова 1959 – Разренова А В Неизвестное письмо В К Третьяковского // Из истории русской журналистики М, 1959 С 205-216
- Соболевский 1980 – Соболевский А И История русского литературного языка Л, 1980
- Сорокин 1976 – Сорокин Ю С Стилистическая теория и языковая практика молодого Третьяковского // Венок Третьяковскому Волгоград, 1976 С 45-54
- Третьяковский 1730 – Третьяковский В К Езда в остров любви СПб, 1730
- Третьяковский 1735 – Третьяковский В К Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий СПб, 1735
- Третьяковский 1748 – Третьяковский В К Разговор между чужестранным чело- веком и российскими об орфографии старинной и новой и о всем что при надлежит к сей материи СПб 1748

Тредиаковский 1766 – *Тредиаковский В. К.* Тилемахида или Странствия Тилемаха. СПб., 1766.

Тредиаковский 1849 – *Тредиаковский В. К.* Сочинения в трех томах. СПб., 1849.

Успенский 1985 – *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX. М., 1985.

Fénélon 1745 – *Fénélon.* Les aventures de Télémaque fils d’Ulysse. Paris, 1745.

Tallemant 1788 – *Tallemant P.* Le voyage de l’isle d’amour, à Licidas. [Leyde, 1671].

In: *Voyages imaginaires, songes, visions et Romans cabalistiques.* Paris, 1788.